

регионе в течение первых трех веков н.э., привело к созданию элиты, которая вместо того, чтобы сопротивляться прямому политическому контролю, открыто поглотила греко-римскую культуру.

«Латинизация» и «эллинизация», конечно, являются понятиями, которыми нельзя оперировать необоснованно. Естественно, что аспекты родной культуры исавров выжили на протяжении веков римского владычества. Однако достаточное количество эпиграфических и археологических памятников свидетельствуют о том, что контакт с римской политической системой и греческой культурой привел к значительным социальным и культурным сдвигам, которые были бы вряд ли возможны в напряженной атмосфере сопротивления. Наибольшее влияние на этот процесс оказала повсеместная урбанизация и накопление богатств в руках знатных исавров, занимающих в середине V в. главенствующие посты в госаппарате. Развитие их владений приводило к усложнению культуры в Исаврии в целом.

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

А.М. Болгова

В работе дается общий очерк состояния и развития высшего образования в Ранней Византии. Этот термин в новейшей отечественной науке, при всей своей условности, обрел права после диссертации Т.Б. Перфиловой (2004). Автор показывает, что старый античный принцип организации высшей школы вокруг схоларха, а также деятельность внешкольных преподавателей постепенно христианизировались при сохранении классического содержания, а попытки государства от Юлиана до Юстиниана вмешаться в систему высшего образования остались локальными.

Ключевые слова: Ранняя Византия, империя, высшее образование, школа, грамматики, риторы, философы, христианизация, схолархи, преподаватели.

THE HISTORY OF HIGHER EDUCATION IN EARLY BYZANTIUM: GENERAL DIRECTIONS AND TRENDS

A.M. Bolgova

The paper gives a general outline of the state and development of higher education in Early Byzantium. This term in the newest native science, for all its conventionality, gained the right after the thesis of T.B. Perfilova (2004). The author shows that the old antique principle of organizing a higher school around the scholar, as well as the activities of extracurricular teachers was gradually Christianized

with the preservation of the classical content, and attempts by the state from Julian to Justinian to intervene in the higher education system remained local.

Key words: Early Byzantium, empire, higher education, school, grammars, rhetoricians, philosophers, Christianization, scholarches, teachers.

Современный исследователь А. Маркопулос в своей работе об универсальном характере византийского высшего образования утверждал, что термин «византийское образование» не вполне приемлем, поскольку Византия не проложила новых путей в этой области. Вместо этого, полагаясь на свое эллинистическое и римское наследие, оно продолжалось естественным образом как традиционная образовательная система, сохранившись с немногими и не особо важными изменениями почти до конца Ромейской империи. Образование в целом составляло часть византийской цивилизации, для которой этот термин применяется непрерывно с замечательной последовательностью на всех уровнях¹. Эту концепцию византийской преемственности следует понимать как гармоничный диалог с прошлым, подвергавшийся, однако, некоторому вмешательству идеологического характера, которое подавляло почти при рождении некоторые возникающие разрывы – это, например, мнения, высказанные в IV в. Василием Великим в известном тексте о том, как юношам извлечь пользу из греческой литературы, и, чуть позже и на более теоретическом уровне, Григорием Назианзиним². Их смысл сводился к тому, что античная классика полезна христианам лишь в малой степени, избирательно, но не системно.

Эти положения отцов-каппадокийцев, однако, могли быть применимы почти исключительно на первых двух этапах высшего образования, то есть, в школе грамматики, которая была ответственна за *προλαβεία* (введение в общее высшее образование) своих молодых подопечных, а также отчасти в школе риторики. Безусловно, эти, во многих отношениях, важные школы, давали *ἐγκύκλιος παιδεία* - проч-

¹ *Markopoulos, Athanasios*. In search for «Higher Education» in Byzantium // ЗРВИ. 50. 2013. P. 29–44.

² *Markopoulos A.* Βυζαντινὴ ἐκπαίδευσι καὶ οἰκουμένη / ed. E. Chrysos // Byzantium as Oecumene. Athens, 2005. P. 183–200, особ. 184–185, 186–187. См. также: *idem*. Education / edd. *Elizabeth Jeffreys et al.* // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. Oxford, 2008. P. 785–795, особ. 785, 786. Обе работы содержат обширную библиографию. Что касается соперничества между христианами и язычниками, серьезной проблемы в Ранней Византии, то библиография здесь почти исчерпаема. См., например: *Cameron, Alan*. The Last Pagans of Rome. Oxford, 2011; *Ratti St.* Polémiques entre païens et chrétiens. Histoire. Paris, 2012.

ную основу познаний в классической литературе, грамматике, риторике и некоторых прочих предметах¹.

Следует отметить, хотя это почти общеизвестно, что в античности и Византии не существовало устойчивых институций высшего образования в том специфическом смысле, в котором этот термин используется сегодня. Школа выросла из потребностей полиса (городской общины) почти исключительно благодаря личности и инициативной частной деятельности схоларха – создателя школы (грамматика, ритора или философа).

«L'État tout puissant» (всеохватывающее государство), как определял его Поль Лемерль, представленное, конечно, самим императором, видело, со своей стороны, уже со времен Римской империи, что образование нужно тем, кто будет укомплектовывать государственную машину. Это ряд в значительной степени «общественных» должностных лиц, которые представляли чиновникам знания и имели особые привилегии, такие как освобождение от налогов, по ясным причинам, представляющим общественный интерес².

Это достигалось, в большей степени, через привычную диффузию образования, обеспечивавшую беспрепятственную работу, по крайней мере, до VI, или даже до VII в., знаменитых высших школ Поздней античности. В их работе принимали участие - или их посещали - представители средних муниципальных слоев того времени, в соответствии с традиционной точкой зрения, что культурная сторона античности составляла источник вдохновения, рефлексии, критического мышления и научных исследований³.

---

¹ *Markopoulos*, Βυζαντινὴ ἐκπαίδευση. P. 184–185; *idem*. De la structure de l'école byzantine. Le maître, les livres et le processus éducatif / ed. B. Mondrain // Lire et écrire à Byzance. Paris, 2006. P. 85–96, esp. 88–89; *idem*. Education. P. 788–789; *Cavallo G.* Lire à Byzance. Paris, 2006. P. 38–40; *Oralità scrittura libro lettura. Appunti su usi e contesti didattici tra antichità e Bisanzio* / edd. L. Del Corso-O. Pecere // Libri di scuola e pratiche didattiche dall'Antichità al Rinascimento, 1. Cassino, 2010. P. 11–36, особ. 12–21, passim; *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, 1988; *idem*. Notes on 'Primary' and 'Secondary' Schools in Late Antiquity // TAPA. 113. 1983. P. 323–346.

² *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantine. Paris, 1971. P. 50 ff.; *Ratti S.* La culture du prince entre historiographie et idéologie / ed. J.-M. Pailler, P. Payen // Que reste-t-il de l'éducation classique? Relire «le Marrou». Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Toulouse, 2004. P. 297–306.

³ См. библиографию - часто избыточную, так как она включает в себя документы, не имеющие прямого отношения к предмету, в: *DeForest D.* Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens // Journal of Late Antiquity. 4. 2011. P. 315–342,

В высших школах Поздней античности помимо преподавания велись и научные исследования, сосредоточенные на конкретных областях: неоплатоническая философия - в школе Афин и Александрии, риторика – в Антиохии, Афинах, Александрии, Газе, более широкие классические и философские исследования – в Афродисии. Археологические раскопки выявили здание последней, вероятно, датируемой, V в., украшенной бюстами Пиндара, Сократа, Пифагора, Аристотеля и даже Алквиада и Александра Великого¹.

Философия была также в центре внимания школы Апамеи, любимого города Ямвлиха, согласно Либанию², в то время как Кесария уже с III в. при Оригене обратилась к христианской и еврейской литературе и мысли, снабженная выдающейся библиотекой, сопоставимой с Александрийской, во многом, благодаря усилиям Памфила, а также с известными скрипториями, указывающими в высокой степени вероятности на создание там Синайского кодекса³.

И, наконец, Берит (Бейрут) культивировал юридические исследования, с древних времен и на очень высоком уровне. Несмотря на аксиоматическое изречение А.П. Каждана о том, что «система частного образования в области права, типичная для ранней Римской империи, была заменена во время поздней Римской империи системой государственных университетов»⁴, эта школа оставалась частной, как

особ. 315, n. 2; *Beaucamp J.* Le philosophe et le joueur. La date de la “fermeture de l'école d'Athènes” // *TM*. 14. 2002. P. 21–35, esp. 23–24, n. 11.

¹ *Smith R.R.R.* Late Roman Philosopher Portraits from Aphrodisias // *JRS*. 80. 1990. P. 127–155; *idem.* Late Antique Portraits in Public Context: Honorific Statuary at Aphrodisias // *JRS*. 89. 1999. P. 155–189; *Welch K.E.* Some Architectural Prototypes for the Auditoria at Kom el-Dikka and Three Late Antique (Fifth Cent. A.D.) Comparanda from Aphrodisias in Caria / edd. T. Derda et al. // *Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 2007. P. 115–133; *Roueché, Charlotte.* Aphrodisias in Late Antiquity. London, 1989. P. 85–97. Недавно опубликованный эпиграфический материал см.: *Athanassiadi P.* La lutte pour l'orthodoxie dans le platonisme tardif de Numénius à Damascius. Paris, 2006. P. 198, n. 20.

² *Libanii opera* / ed. R. Foerster. Leipzig 1903–1927, т. 11, ep. 1389, 3. О городе и важности его школы см.: *Athanassiadi P.* La lutte pour l'orthodoxie. P. 47 ff.

³ *Grafton A., Williams M.* Christianity and the Transformation of the Book. Origen, Eusebius, and the Library of Caesarea. Cambridge Mass., 2006. P. 178 ff., 215 ff., passim.

⁴ ODB 2, 1196.

школы первых двух уровней, хотя иногда они привлекали средства либо от государства, либо из своих городов-хозяев¹.

Теперь у нас есть некоторые знания о внутренней организации и функционировании многих из этих учреждений помимо самых известных из них - Афин и Александрии, о которых всегда было достаточно информации, в последнее время дополненной археологическими находками². Интересный факт: будущие студенты в школе Антиохии, в которой доминировала личность Либания после 354 г.³, подавали заявку на поступление с обязательными ссылками на великого ратора и его труды⁴. Как почти везде в Ранней Византии⁵, в этой школе был один схолярх, хотя Либаний часто привлекал преподавателей грамматики, чтобы вести чтение классических текстов, которым он придавал большое значение; некоторые из окружающих Либания либо работали

---

¹ *Hadot, Ilsetraut*. Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique. Contribution à l'histoire de l'éducation et de la culture dans l'Antiquité. Paris, 2005. P. 217–220, 226, 244, 251, 451–453, passim; *Markopoulos A.* Education. P. 786, 790 с библиографией.

² О находках в Афинах см.: *Frantz A.* The Athenian Agora: results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XXIV: Late Antiquity A. D. 267–700. Princeton, 1988. P. 88 ff., где среди прочих интересных вещей рассказывается о Доме С, впоследствии связанном с Дамаскием: *Athanassiadi P.* Damascius. The Philosophical History. Athens, 1999. P. 343 ff.; *eadem*. La lutte pour l'orthodoxie. P. 199–200. Существует больше уверенности относительно принадлежности дома в районе Акрополя Проклу: *Kariveri A.* The 'House of Proklos' on the Southern Slope of Acropolis: A Contribution / ed. P. Castrén // Post-Herulian Athens AD 267–529. Helsinki 1994. P. 115–139. Более новая книга: *Kaldellis A.* The Christian Parthenon. Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge, 2009, мало что добавляет к этому анализу. В Александрии, в Ком эль-Дикка, в старом центре города, был раскопан своего рода театр, который можно более правильно назвать аудиторией; также ряд небольших помещений, на 30 человек, был обнаружен поблизости. Эти здания, которые относительно легко датируются, были построены в VI в., вероятно, в качестве учебных помещений, но использовались и для публичных чтений. См.: *Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*, (n. 5), passim; *Majcherek G.* The Late Roman Auditoria of Alexandria: An Archeological Overview. P. 11–49; *idem*. The Auditoria of Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria, Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology. Ann Arbor, 2010. P. 471–484.

³ *Cribiore R.* The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007. P. 84.

⁴ *Ibid.* P. 111 ff.

⁵ *Browning R.* Literacy in the Byzantine World // *BMGS*. 4. 1978. P. 39–54, особ. p. 46.

в Антиохии, либо это были бывшие его ученики в качестве ассистентов¹. Высокоорганизованной работе школы способствовала помощь, оказываемая ассоциацией выпускников, чьи частые встречи и тесный контакт с оратором через личную переписку способствовали имиджу учреждения и, в частности, самого Либания².

Школа права в Берите была включена Юстинианом (527-565), наряду с Константинопольской, в *constitutio Omnem* от 533 года³, т.е., обрела государственное покровительство и контроль, после чего она приняла строгий пятилетний учебный план с различными предметами на каждый год, несмотря на то, что, по справедливости, это не сильно отличалось от предыдущей программы⁴. Юридический текст читался на латыни, истолковывался *antecessores* (οἱ τῆς οἰκουμένης διδάσκαλοι)⁵, а затем переводился на греческий язык студентами. Большинство из них имели трудности в понимании латыни, и учителя вмешивались, чтобы решить эти проблемы.⁶ Стоит отметить, что сохранились пояснительные тексты *antecessores* - хотя единственный полный из них является *paraphrasis* из *Institutiones Theophili* - а также студенческие

¹ *Cribiore R.* The School of Libanius. P. 30–37.

² *Ibid.* P. 104 ff. Краткий обзор образовательной деятельности Либания см.: *Cribiore R.* The Value of a Good Education: Libanius and Public Authority / ed. Ph. Rousseau // *A Companion to Late Antiquity*. Chichester, 2009. P. 233–245.

³ Остается неизвестным, продолжает ли существовать юридическая школа Константинополя какое-либо время после смерти Юстиниана; см. *Troianos Sp.* Οι πηγές του βυζαντινού δικαίου. Athens, 2011. P. 101, n. 21, 147.

⁴ См. *Troianos Sp.* Πηγές. P. 99 ff., особ. 101, n. 22. О правовых исследованиях до Юстиниана см.: *Wieacker Fr.* Πόνοι τῶν διδασκάλων // *Leistung und Grenzen der früher oströmischen Rechtswissenschaft, Festgabe für Johannes Sontis*. Munich, 1977. P. 53–89; *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 102–133.

⁵ *Collinet P.* Histoire de l'École de droit de Beyrouth. Paris, 1925. P. 124 ff.; *Zepos P.I.* Η νομική παιδεία κατά τον Ζ' αιώνα // *Byzantium. Tribute to Andreas N. Stratos*, 2. Athens, 1986. P. 735–749, особ. 742 n. 12.

⁶ *Troianos Sp.* Η ελληνική νομική γλώσσα, Athens-Komotini, 2000. P. 27 ff.; *de Jong H.* Stephanus on the *Conditiones* in D. 121: A Byzantine Classification // *Επετ. Κέντρου Ερεύνης Ιστ. Ελληνικού Δικαίου*. 44. 2012–2013. P. 193–207. Иная точка зрения: *Cameron, Averil.* Old and New Rome: Roman Studies in Sixth-Century Constantinople / ed. Ph. Rousseau, M. Papoutsakis // *Transformations of Late Antiquity. Essays for Peter Brown*. Aldershot, 2009. P. 15–36. Также ср.: *Markopoulos A.* Roman Antiquarianism: Aspects of the Roman Past in the Middle Byzantine Period (9th - 11th centuries) // *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies*. London, 21–26 August, 2006. Plenary Papers, 1. Aldershot, 2006. P. 277–297, особ. 280–281.

записки.¹ Наконец, есть свидетельства о существовании студенческих союзов, которые принимали участие в делах школы.²

Если все это наблюдается на периферии, где мобильность преподавателей и студентов и богатство соответствующей информации в полной мере подтверждает мнение П. Лемерля о ранней византийской эпохе как уникальной во многих отношениях³, то требуется большая осторожность, когда речь идет о рассмотрении присутствия Византийского государства в образовательной практике. Это касается, прежде всего, Константинополя как столицы. Константинополь как новый императорский город не имел истории высших школ, и этот процесс, начавшись с приезда в столицу отдельных преподавателей в IV в. (Фемистий, Либаний и др.), был незавершен на протяжении всего ранне-византийского периода, необходимого для формирования идеологических детерминант города. Государственные интервенции в высшее образование не всегда носили системный целенаправленный характер.

Когда Либаний, после блестящих лет учебы в школе в Афинах, прибыл в Константинополь в 340-е гг. в поисках работы, а также контактов с преподавателями, уже утвердившимися там, он находит «софистов», обучающихся на рынке, получивших официальные должности, не оплачиваемые государством, в соответствии со старой практикой⁴. Как он отмечает, один из этих софистов, приехав из Каппадокии, учил со специального трона в экседре⁵. Участие Либания в раздорах между конкурирующими софистами втянуло выдающегося ритора в судебные приключения и стоило ему разрешения на пребывание в Константинополе, заставив его поспешно бежать в Никомедию⁶. Либаний снова возвращается в Константинополь, скорее всего, между 348 и 355 гг., но этот второй приезд только добавляет ему неприятных впечатлений, несмотря на почести, дарованные ему императором Констанцием II (337-361)⁷.

¹ *Troianos Sp.* Πηγές. P. 104–108.

² *Markopoulos A.* Βυζαντινή εκπαίδευση. P. 198–199, n. 65; *Troianos Sp.* Πηγές. P. 100 ff.

³ *Lemerle P.* Premier humanisme. P. 51.

⁴ *Cribiore R.* The School of Libanius. P. 60–61.

⁵ Об экседре см.: *L(oerke) W.* ODB 2, 769; *Chatzilazarou D.* Μια άγνωστη αγορά στην Κωνσταντινούπολη του 4ου αιώνα (unpubl. postgraduate thesis). Athens, 2011. P. 90; *Majcherek G.* The Late Roman Auditoria of Alexandria. P. 25, fig. 14.

⁶ *Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1984. P. 220–221; *Cribiore R.* The School of Libanius. P. 61.

⁷ *Dagron G.* Naissance d'une capitale. P. 222.

Константинополь превращается в интеллектуальную столицу Империи уже во времена Констанция, после 355 г.¹ Как широко известно, ключевую роль в этом процессе сыграл Фемистий. Этот пафлагонский язычник, как описывает его Ж. Дагрон², был принят в сенате после письма с императорской рекомендацией, отправленного в этот высший государственный институт, в котором назначение Фемистия объясняется в деталях³. Это решение позволило императору начать новую политику в области высшего образования. В частности, приглашение Фемистия преподавать в Константинополе четко отражает решимость Констанция придать новой столице интеллектуальный престиж, которого ей до сих пор не хватало, несмотря на определенное наличие софистов⁴. Оратор, который начал учить из κοινὸν θέατρον города, отказавшись от своего философского потенциала (Фемистий)⁵, вскоре погасил свой долг перед Констанцием. В своей известной речи 357 г. по случаю празднования *vincennalia* императора⁶, Фемистий говорит, что новая роль, отводимая Константинополю - в основном интеллектуальная, а не коммерческая, как следовало бы ожидать из-за его выгодного расположения; миссия города - сохранение классического прошлого *через греческий язык* и распространение его во всем известном тогда мире. В той же речи Фемистий приветствует процесс копирования текстов и создания библиотеки, который шел полным ходом в новой столице, опять же, с одобрения императора⁷.

Очевидно, что присутствие Фемистия в Константинополе и его влияние на вопросы высшего образования в новой столице и на интеллектуальную жизнь, всегда находились под защитой императора, и во многом проложили путь для основания *Pandidakterion* («Университе-

¹ *Lemerle P.* Premier humanisme. P. 54 ff.

² *Dagron G.* Naissance d'une capitale. P. 380.

³ *Dagron G.* L'Empire Romain en Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'Hellénisme. Le témoignage de Thémistios // *TM.* 3. 1968. P. 1–242, esp. 60 ff.

⁴ *Lemerle P.* Premier humanism. P. 55 ff.; *Dagron G.* Naissance d'une capital. P. 125–127, *passim*.

⁵ *Dagron G.* Le témoignage de Thémistios. P. 24, 42–43.

⁶ *Ibid.* P. 205 ff.

⁷ *Lemerle P.* Premier humanism. P. 56–60. Cf. *Wilson, N.G.* *Scholars of Byzantium.* London, 1983. P. 50; *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court. *Ann Arbor*, 1995. P. 96–100; *Markopoulos A.* Βυζαντινή εκπαίδευση. P. 192; *Chatzilazarou D.* Μια άγνωστη αγορά. P. 101. Калделлис (*Kaldellis A.* *Hellenism in Byzantium. The Transformation of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition.* Cambridge, 2007. P. 73) точно указывает, что Фемистий служил в качестве модели политического деятеля и философа в более поздние византийские времена.

та») императором Феодосием II (408-450). Это основание, имевшее место в 425 г.¹ было, вне всякого сомнения, институциональной новизной: впервые Византия как государство обращается к учреждению специальной политики в области высшего образования и новой системы высшего образования, параллельно с традиционной, которая имела долгую историю и активно присутствовала в империи (частное образование, образование с небольшой государственной поддержкой и т.д.). Следует подчеркнуть, что эта новая высшая школа существовала исключительно с целью подготовки должностных лиц для управления государством, что подвигло П. Лемерля говорить о государственной монополии относительно университетов².

Важно отметить, что предложение Фемистия о продвижении греческого языка в 357 г., вводится в практику этого нового университета, который имел почти равное количество преподавателей для греческого и латинского языков³. Кроме того, в IV в. империя испытывала конкуренцию между греческим и латинским языками, вызванную переходом на латынь греческими ораторами, которые делали карьеру в государственном аппарате.⁴ После смерти Феодосия I (395 г.) и разделения империи была создана новая языковая ситуация, которая была связана с соответствующими выборами различных социальных слоев. Таким образом, первоначальная тенденция к единому государству с двумя «официальными» языками, греческим и латинским, приходит в упадок, если судить по *Pandidakterion*, и прекращается с течением времени, как это широко известно⁵. Греческий язык начинает вытеснять латынь с середины V в. в Восточной империи на муниципальном уровне, а с конца VI в. и при дворе.

Почти уверенно можно утверждать, что *Pandidakterion* не продолжил своего существования после правления Ираклия (610-641); у

¹ Cod. Theod.14.9.3 = Cod. Just.11.19.1.

² *Lemerle P. Premier humanism*. P. 64. Мнение *P. Speck* о книге очень полезно в обсуждаемом контексте (см.: *BZ*. 67. 1974. P. 385–393 = *Understanding Byzantium* / ed. *S. Takács*. Aldershot, 2003, no. II). См. также: *K(azhdan) A*. University of Constantinople // ODB, 3, 2143.

³ *Lemerle P. Premier humanism*. P. 63–64; более детально: *Wilson N. Scholars*. P. 49 ff.

⁴ См.: *Dagron G. Aux origines de la civilisation byzantine: Langue de culture et langue d'État* // *Revue Historique*. 241. 1969. P. 23–56 (= *La romanité chrétienne en Orient*. London, 1984, no. I); *Rochette Br. Le latin dans le monde grec* // *Recherches sur la diffusion de la langue et des lettres latines dans les provinces hellénophones de l'empire romain*. Brussels, 1997. P. 130 ff.

⁵ *Markopoulos A. Roman Antiquarianism*. P. 280–281 с обширной библиографией.

нас нет никаких доказательств того, что он функционировал после VI в.¹ После этого государство не будет предпринимать никаких дальнейших действий в поле «высшего образования» вплоть до учреждения школы Магнавра (855 г.). Причины этого изменения в государственной политике возвращают нас ко временам Юстиниана. Именно в это время, как и ранее, государственная догма (опять же, по существу, оформленная Фемистием), в которой эллинизм и христианство следует рассматривать как два мировоззрения, еще диаметрально противоположных, но способных сосуществовать², уступает место догме Юстиниана о едином государстве с единым языком.

Так, в сентябре 529 г. Юстиниан издает хорошо известный указ, которым он запрещает язычникам, еретикам и евреям преподавать; закрытие школы Афин происходит в этом контексте (прекращение финансирования со стороны города) и показывает признаки наступающего упадка³, несмотря на наличие Дамаския, который преподавал философию там с начала VI в.⁴ Как следствие, научное исследование, ключевой элемент образования в более ранние века, уходит из школ. Антецессоры юридических школ заменяются *scholastikoi*, которые находятся ближе к риторике, чем к теории права⁵; все кодифицируется; преподаватели теряют налоговый иммунитет, которым они пользовались в течение многих столетий; и литературное производство практически попадает под контроль властей и церкви, хотя успехи Юстиниана в этой области не очевидны⁶. Тем не менее, Майкл Маас, видимо, преувеличивая, говорит о возросшей роли Церкви в тот период, осо-

¹ Lemerle P. Premier humanism. P. 77 ff. См. также: Wolska-Conus W. Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. Essai d'identification et de biographie // REB. 47. 1989. P. 5–89, esp. 16 ff., 82 ff.

² См.: Dagron G. Le témoignage de Thémistios. P. 163–186, с важным анализом соответствующей речи Фемистия. См. также: Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court. P. 138–139.

³ Cod. Just. 1.5.18; 1.11.10. См.: Beaucamp J. Le philosophe et le joueur, passim, esp. 24–25, n. 22–24. Э. Вотте, однако, принимает другую точку зрения. См. также: Wildberg Chr. Philosophy in the Age of Justinian / ed. M. Maas // The Cambridge Companion to the Age of Justinian. Cambridge, 2005. P. 316–340.

⁴ Athanassiadi P. La lutte pour l'orthodoxie. P. 199; Watts E. Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // JRS. 94. 2004. P. 168–182, особ. 169.

⁵ Troianos Sp. Πηγές. P. 147–148 ff.

⁶ Lemerle P. Premier humanism. P. 72; Rapp Cl. Literary Culture under Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian. P. 376–397, особ. 392 ff.; Athanassiadi P. Vers la pensée unique. Le monde de l'intolérance dans l'Antiquité tardive. Paris, 2010. P. 114 ff.

бенно в том, что касается образования. Было бы правильное сказать, что государство использует церковь для того, чтобы предотвратить какие-либо отклонения от своего курса, особенно после восстания Ника (532 г.)¹.

Было бы искажением реальности утверждать, что строго насильственными институциональными решениями Юстиниана в сфере образования Византия разорвала пуповину, связывающую ее с классическим традиционным образованием и знаниями в целом. Такие обобщения, которые делает А.П. Каждан, по крайней мере, частично, когда он говорит о культуре «немой Византии» в прямом контрасте с «красноречивой античностью»², являются крайними. С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что с VII столетия наши источники почти иссякают, и трудно найти информацию о высшем образовании, или о любом образовании вообще. Тем не менее, уровень образования, ограниченный элитой, в городах, остается и далее на высоком уровне, поскольку учебный процесс не нарушается, как можно сделать вывод на основании многочисленных свидетельств, преимущественно агиографических текстов³. В городах были постоянно нужны грамотные свидетели для судебных процедур, касающихся наследования или других подобных случаев⁴.

В любом случае, разрозненная информация, имеющаяся в нашем распоряжении, проанализированная П. Лемерлем⁵, подтверждает, что после VI в. никакие новые образовательные институты не возникают. Серьезный кризис, который надолго поразил Византию после Ираклия, оказал непосредственное влияние на высшее образование. Огромные территориальные потери того времени лишили империю высших учебных заведений, которые она до сих пор имела, таких как в Александрии, пережившей запреты Юстиниана⁶. Стихийные бедствия

¹ *Maas M.* Roman Questions, Byzantine Answers: Contours of the Age of Justinian // *The Cambridge Companion to the Age of Justinian*. P. 3–27, esp. 20–21.

² *Kazhdan A.* Der Mensch in der byzantinischen Literaturgeschichte // *JÖB*. 28. 1979. P. 1–21, особ. 14 (= *Authors and Texts in Byzantium*. Aldershot, 1993, no. II).

³ *Lemerle P.* Premier humanism. P. 98–99; *Ronconi, F.* Quelle grammaire à Byzance? La circulation des textes grammaticaux et son refl et dans les manuscrits / ed. G. De Gregorio et alii // *La produzione scritta tecnica e scientifici ca nel Medioevo: libro e documento tra scuole e professioni*. Spoleto, 2012. P. 63–110, esp. 72 ff. (чьи мнения в некоторых случаях сомнительны).

⁴ *Cod. Just.* 6. 23. 31.

⁵ *Lemerle P.* Premier humanisme. P. 74 ff.

⁶ *Watts E.* Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching. P. 178.

и эпидемии ускоряют этот процесс: землетрясение 551 г. разрушает юридическую школу Берита¹, более позднее землетрясение сносит Афродисию², и, наконец, эпидемия чумы в 551 г. вполне может оказаться причиной закрытия юридической школы Константинополя³.

Отсутствие высших учебных заведений с сер. VII в. было восполнено школами общей грамматики (на уровне введения в общее высшее образование). Эта реформа была навязана обстоятельствами, а именно: деурбанизацией, перестройкой государства, позднее - иконоборчеством, что создало совершенно новые исторические условия. Не будет преувеличением сказать, что утвердилась новая старая школа, которая зависела от одного основного преподавателя, хотя ее структура меняется⁴. По существу, она пыталась компенсировать отсутствие иного высшего образования в интеллектуальной жизни империи - и во многом успешно⁵.

РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ И РОДСТВЕННИКОВ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

А.М. Болгова

В работе предлагается очерк истории начального домашнего обучения детей в Ранней Византии. Рассматривается роль родителей и родственников в этом процессе.

Ключевые слова: дети, домашнее обучение, родители, родственники, Ранняя Византия.

THE ROLE OF PARENTS AND RELATIVES IN THE TRAINING OF CHILDREN IN THE EARLY BYZANTIUM

A.M. Bolgova

The paper suggests an outline of the history of the initial home schooling of children in Early Byzantium. The role of parents and relatives in this process is considered.

---

¹ *Troianos Sp.* Πηγές. P. 147.

² *F(oss) Cl. Aphrodisias* // ODB, 1, 128.

³ *Troianos Sp.* Πηγές. P. 101.

⁴ *Markopoulos A.* De la structure de l'école byzantine. Le maître, les livres et le processus éducatif / ed. B. Mondrain // Lire et écrire à Byzance. Paris, 2006. P. 85–96 (P. 88).

⁵ *Ibid.* P. 86.